

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.090-097

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА АРИСТОТЕЛЯ

Акишин Михаил Олегович,

профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы

Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29

akishin-mo@yandex.ru

© Акишин М. О., 2026

Аннотация. *Статья посвящена метафизическим и логическим основаниям учения о праве и государстве Аристотеля. Свое учение он называл в «Никомаховой этике» «наукой государственного права», а в «Политике» — «политической наукой». Иными словами, он относил свое учение к высшему уровню познания — разуму. Стремясь к истине в познании права и государства, Аристотель использовал категорические и диалектические силлогизмы. На протяжении прошедших тысячелетий проблемы, поставленные Аристотелем, являются центральными в государствоведении и теории права, что позволяет рассматривать его как основоположника юридической науки. В то же время Аристотель поставил проблему использования в правотворчестве и правоприменении практического силлогизма, который, с одной стороны, является результатом свободной воли и рассудка государственного мужа; с другой — предписанием о должном поведении. В Новое время происходит формирование новой неклассической логики — деонтической. При ее становлении была поставлена проблема о том, что прескриптивные высказывания не являются ни истинными, ни ложными. В середине XX в. благодаря трудам Г. Х. Вригта становление деонтической логики завершается с учетом этой позиции. Однако, во-первых, практический силлогизм Аристотеля, согласно учению самого философа, является предписанием о должном, посылки которого не являются ни истинными, ни ложными. Во-вторых, развитие деонтической логики во второй половине XX — начале XXI в. вновь поставило проблему истины в праве. Сказанное позволяет утверждать, что учение о практическом силлогизме Аристотеля заложило основу для возникновения деонтической логики.*

Ключевые слова: Аристотель; первая философия (метафизика); формальная логика; политическая наука; юридическая наука; закон; правосудие; практический силлогизм; деонтическая логика

LOGICAL FOUNDATIONS IN THE STUDY OF ARISTOTLE'S POLITICS AND LAW

Mikhail O. Akishin,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Full Professor, Higher School of Law and Forensic Science, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

akishin-mo@yandex.ru

Abstract. *The paper is devoted to the metaphysical and logical foundations of Aristotle's doctrine of law and the state. In the Nicomachean Ethics, he referred to his teaching as the «science of state law», while in the Politics he called it «political science». In other words, he assigned his doctrine to the highest level of cognition — that of reason. In his pursuit of truth in the understanding of law and the state, Aristotle employed both categorical and dialectical syllogisms. Over the course of the millennia, the problems raised by Aristotle have remained central to the study of the state and the theory of law, which makes it possible to regard him as a founder of legal science. At the same time, Aristotle posed the problem of the use of the practical syllogism in lawmaking and law enforcement. On the one hand, such a syllogism is the result of the free will and rational judgment of the statesman; on the other hand, it constitutes a prescription concerning proper conduct. In the modern era, a new non-classical logic — deontic logic — began to take shape. During its formation, the problem was raised that prescriptive statements are neither true nor false. By the mid-twentieth century, thanks to the works of G. H. von Wright, the development of deontic logic was completed with this position taken into account. However, first, Aristotle's practical syllogism, according to the philosopher's own doctrine, is itself a prescription concerning what ought to be, and its premises are neither true nor false. Second, the development of deontic logic in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries once again raised the problem of truth in law. This makes it possible to argue that Aristotle's doctrine of the practical syllogism laid the foundation for the emergence of deontic logic.*

Keywords: *Aristotle; first philosophy (metaphysics); formal logic; political science; legal science; law; justice; practical syllogism; deontic logic*

Философско-правовое учение Аристотеля более двух тысячелетий влияет на юридическую науку и практику. Его методологической основой стала формальная логика. О значении логики Аристотеля в философском и научном познании И. Кант писал, что «...она кажется наукой вполне законченной и завершённой»¹. Только в XIX — начале XXI в. происходит становление новой неклассической логики — деонтической. Задачами настоящей работы являются изучение использования Аристотелем логики в его философско-правовом учении, влияние этого учения на становление и развитие юридической науки, установление соотношения между формальной и деонтической логикой.

Свое учение Аристотель изложил в трактатах «Никомахова этика»², «Афинская политика» и «Политика». Все эти трактаты созданы во второй афинский период его жизни, когда он преподавал в Ликее. Создание «Никомаховой этики» условно можно датировать временем возвращения Аристотеля из Македонии (334 г. до н. э.), где

¹ Кант И. Критика чистого разума : пер. с нем. М. : Академический проект, 2020. С. 16.

² Аристотелю приписываются еще три трактата по этике. «Эвдемова этика» является, возможно, переработкой «Никомаховой», которую осуществил Эвдем из Родоса, ученик Аристотеля. Трактаты «Большая этика» и «О добродетелях и пороках» были созданы после смерти Аристотеля.

он обучал юного Александра Македонского. «Политика» была написана в последние годы жизни Аристотеля (между 330 и 322 гг.)³.

В «Никомаховой этике» Аристотель назвал развиваемое им учение «своего рода наукой о государстве», предметом которой являются изучение высшего блага. Эту науку он считал «...главной из всех наук и искусств», т.к. «...конечной целью всех наук и искусств является благо», а «...высшее благо есть преимущественная цель... политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе». Задачу «науки государственного права» Аристотель видел в том, «чтобы в каждом вопросе раскрывать истину». В «Никомаховой этике» он ссылается на свои «Аналитики», в которых изложил учение о силлогизме, и прибегает к диалектическим силлогизмам, аргументируя это следующим образом: «...при подобных предметах рассуждений и подобных предпосылках желательно приблизительно и в общих чертах указать на истину», достаточно «общего определения и в общих чертах»⁴.

В «Политике» Аристотель называет развиваемое им учение уже «политической наукой», но при этом ссылается на свой труд по этике. Он указывает, что использует тот же метод, которым пользовался в труде по этике: «...расчлняя сложное на его простые элементы... и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение»⁵. В «Афинской политике» и «Политике» Аристотель широко использовал индукцию. По справедливому замечанию С. Ф. Кечекьяна, учение Аристотеля о государстве «по своему замыслу — это опытная наука... подобная некоторым отраслям естествознания»⁶.

Учение Аристотеля о государстве основано на его метафизике, согласно которой каждая вещь состоит из материи и формы. При этом материя — это только потенциальная возможность, а форма — это то, что придает вещи определенность. Отсюда, в центре внимания Аристотеля оказались формы государственного устройства. По справедливому замечанию И. А. Исаева, приступая к их изучению, Аристотель понимал, что эти формы «...являются только идеальными... Реальным же и желательным элементом, который может обеспечить их единство, остается их “правильность”»⁷. Думается, именно этим объясняется постоянное использование логики Аристотелем для обоснования своего философско-правового учения.

Становление и изменение той или иной вещи, согласно Аристотелю, определяется четырьмя причинами — материальной, формальной, производящей и конечной. В соответствии с этим учением в «Никомаховой этике» и «Политике» он исследовал причины, которые лежат в основе становления и изменения государства. В качестве материальной причины Аристотель называл людей. При этом оговаривался, что право действует только в отношении тех, «кому по природе присуще иметь закон», т.е. граждан. Из государственного общения Аристотель исключал «одушевленные орудия» — рабов. Конечной причиной (целью) является стремление людей «к высшему из всех благ» — счастью, которое способно обеспечить государство.

Относительно движущей и формальной причины взгляды Аристотеля изменялись. В «Никомаховой этике» в качестве движущей причины называлась «дружественность» между людьми. Рассматривая эту добродетель, особое внимание он обращает на «единомыслие» в делах государства. Однако в «Политике» в качестве движущей причины Аристотель указывал уже на общение между людьми.

Формальной причиной бытия государства является форма государственно-го строя. В «Никомаховой этике» Аристотель выделял три вида правильного

³ Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 11–22.

⁴ Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 54, 77.

⁵ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 376.

⁶ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 218.

⁷ Исаев И. А. «Государство в государстве»: генезис и структура воображаемого политического пространства // Lex russica. 2017. № 7 (128). С. 31.

государственного устройства — царскую власть, аристократию и тимократию. «Лучшее из них — царская власть, худшее — тимократия». К извращенным государственным устройствам он относил те, которые «представляют собою как бы растление первых» — тиранию, олигархию и демократию.

В «Политике» Аристотель писал, «что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных». К правильным видам государственного устройства он относил монархию, аристократию и политию. К отклоняющимся — тиранию, олигархию и демократию. В «Политике» Аристотель называл «наилучшим государственным устройством» уже политию, в которой власть принадлежит гражданам «средним по достатку».

Аристотель выделил три части, составляющие основу каждого из видов государственного устройства: «первая — законосовещательный орган... вторая — должности... третья — судебные органы»⁸. Безусловно, это еще не формулирование принципа разделения властей, но это первое в истории политико-правовой мысли разделение государственных органов на законодательные, исполнительные и судебные.

Проведя исследование государственного устройства, Аристотель переходит к праву. Он доказывал, что в основе права лежит справедливость. Право, согласно Аристотелю, «...частью естественно, частью — узаконено». Однако «правое от природы» в полном объеме доступно только богам, почему Аристотель не ставил позитивное право в зависимость от естественного. Положительное право устанавливается обычаями и законами конкретного государства, обусловлено его историческим своеобразием. Аристотель обосновывает верховенство права, указывая на то, что «...правильное законодательство должно быть верховной властью». Однако он оговаривался: «...какого характера должно быть правильное законодательство — тут ничего ясного еще сказать нельзя». Он писал: «Ясно только одно: законы должны быть согласованы с тем или иным видом государственного устройства. А если так, то, очевидно, законы, соответствующие правильным видам государственного устройства, будут справедливыми, законы же, соответствующие отклонениям от правильных видов, будут несправедливыми»⁹.

Аристотель сформулировал учение о преступлении и наказании. В его основе лежит исследование «произвольных» и «непроизвольных поступков». Произвольные противоправные действия наказуемы. Применение наказания направлено на восстановление справедливости. Но задача наказания состоит также в том, чтобы заставить граждан следовать добродетели.

В книгах пятой и шестой «Никомаховой этики» Аристотель ставит проблему принятия решений в государственном управлении и правосудии¹⁰. В этих сферах, согласно Аристотелю, применяется не научное познание, а «рассчитывающие» знание, практический силлогизм, начала которого могут быть «и такими, и иными», т.к. предполагают «...какую-то цель, т.е. поступок». Рассчитывающее знание (рассуждение) также стремится к истине, но получаемая ею истина является только вероятной. Рассудительность в государственных делах включает два вида: рассудительность в делах управления, которая «...представляет собою законодательную [науку]», и рассудительность, «имеющая дело с частными [вопросами]». В последней он выделил «...рассудительность в принятии решений и в судопроизводстве». Аристотель писал: «Каждое [положение] права или закона есть как бы общее по отношению к частному, ибо поступки многообразны, а [положение] — как общее — всякий раз одно». Иными словами, он указывает на проблему сложности применения общей нормы к конкретной жизненной ситуации. Отсюда, по его мнению, «...совершение правосудного дела всегда произвольно, а потому вполне разумно полагать... противопоставление, т.е. терпеть неправосудие и правосудие».

⁸ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 514–515.

⁹ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 467.

¹⁰ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 145–190.

Аристотель ставит проблему, что закон может содержать «пропуск или погрешность», т.е. вопрос о том, что первое суждение практического силлогизма, на основе которого суд выносит решение по делу может быть ложным. По его мнению, важно судебное усмотрение. Он основывается на положении о том, что «...право и добро тождественны, и притом что и то и другое добропорядочно, добро выше». Это позволяет судье «поправить упущение» в законе, «которое признал бы даже сам законодатель». Указывает Аристотель и на возможные ошибки, связанные с установлением фактического состава дела, являющегося основой второго суждения практического силлогизма, по которому выносится решение суда. Он писал: «...если в неведении [тех или иных обстоятельств] человек [кого-то] осудил, он не поступает неправосудно с точки зрения узаконенного правосудия и суд его не неправосудный, но в каком-то ином смысле этот человек всё же неправосудный». Аристотель ставит также проблему умышленного неправосудного решения судьи: «Если же судил неправосудно, зная [это], то и сам поступает своекорыстно, ища благодарности или добываясь мести. А потому, кто, имея такую цель, вынес судебное решение неправосудно, тот своекорыстен». Итак, Аристотель признавал, что закон может быть несовершенен, а судебное решение неправосудно. Однако такие акты являются должными предписаниями для граждан. Аристотель пишет: «Закон... имеет принудительную силу»¹¹. Согласно Аристотелю, соблюдение законов — обязанность граждан даже при неправильных формах государственного устройства, где закон может быть несправедлив. Он писал: «...законы окажутся полезными и для всех олигархий, и для всех демократий»¹².

Переходя к изучению использования наследия Аристотеля отмечу, что его «политическая наука» оказывала и оказывает существенное влияние на развитие государственоведения на протяжении тысячелетий. Теория «общего блага» как цели государства оставалась общепризнанной в Древнем Риме и государствах средневековой Европы. В Новое и Новейшее время эта теория лежит в основе учения о функциях государства.

В государственоведении конца XIX — начала XX в. появились теории, согласно которым учение Аристотеля о верховенстве права является основанием становления конституционализма. Немецкий правовед Г. Рем утверждал, что Аристотель впервые исследовал вопрос о «целесообразности конституционализма и представительной системы», сформулировал учения о правовом государстве и разделении властей¹³. М. А. Рейснер также писал, что Аристотелю «принадлежит заслуга обоснования конституционализма»¹⁴. Эта позиция сохраняет сторонников и в современности.

Не меньшее влияние оказало учение Аристотеля на становление и развитие юридической науки. В Древнем Риме проблему использования логики в юриспруденции поставил Цицерон. В его диалоге «Об ораторе» адвокат-оратор Луций Лициний Красс заявлял, что римское право — это нагромождение разрозненных и мелочных правил, из которых необходимо создать «совершенную науку гражданского права» путем выделения родов и видов, а затем создания «определений содержания каждого рода и вида»¹⁵.

Римские юристы классического периода понимали право как *ratio scripta* (писанный разум), который является медиатором между субъективной логикой и логикой как теоретической дисциплиной. Пользуясь формальной логикой, они стремились упорядочить гражданское право. В частности, используя учение Аристотеля о уравнивающей и распределяющей справедливости, римские юристы разграничили публичное и частное право.

Во II в. н. э. римский юрист Гай в трактате «Институции», предназначенном для преподавания права, изложил римское право на основании принципа «*Omne autem jus, quo utimur, vel ad personas pertinet vel ad res vel ad actiones*» («Ведь все право,

¹¹ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 289.

¹² Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 488.

¹³ *Rehm H. Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. Freiburg i. B. Leipzig, 1896. S. 84, 109, 114.*

¹⁴ *Рейснер М. А. История политических учений. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. Т. 1. С. 176.*

¹⁵ Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972. С. 142.

которым мы пользуемся, относится либо к лицам, либо к вещам, либо к искам»). Согласно этому принципу, первая книга открывается общей характеристикой права народов и гражданского права, затем излагаются положения о свободных, рабах и т.д. Во второй и третьей — о различных видах вещей, о сделках вещного оборота, о наследовании и обязательствах. В четвертой — учение о формах процесса, исках и т.д.

Большее влияние логика оказала на кодификацию римского права. В «Дигестах» (от лат. *digere* — «разделять», «истолковывать по порядку»), одной из частей *Corpus juris civilis* Юстиниана, путем выделения родов и видов была проведена систематизация римского права. Была нарушена и казуистическая традиция римской юриспруденции, избегавшей дефиниций. В 16 и 17 титулах книги 50 «Дигест» были даны толкования основных правовых понятий.

На юридических факультетах университетов средневековой Европы *Corpus juris civilis* стал основой преподавания и рассматривался как «писанный разум», а основным методом его толкования была формальная логика. Благодаря рецепции римского права и его толкованию формируется догма права.

Учение о практическом силлогизме Аристотеля привело в современности к становлению новой неклассической логики — деонтической (от др.-греч. *δέον* — долг). Согласно формальной логике, в основе ее умозаключений лежат алетические модальности, которые позволяют дать оценку высказыванию с точки зрения логических законов. Применимость алетических модальностей к суждениям о должном проблематична, т.к. в их основе, согласно Аристотелю, лежит практический силлогизм, основанный не на «разуме», а на «рассудке». На это обратили внимание уже в XIV в. британские логики Р. Холкот и Р. Росет. Они доказывали, что аналогия между алетическими и деонтическими модальностями в условных обязательствах невозможна¹⁶.

Проблема применения логики в процессах правотворчества и правоприменения приобрела особую актуальность в условиях становления и развития централизованных государств, национальных правовых систем в Новое и Новейшее время. Именно тогда утратило значение то предпочтение, которое Аристотель придавал обычаю в процессе правотворчества («...законы, основанные на обычае, имеют большее значение и касаются более важных дел, нежели законы писанные»¹⁷).

В 1672 г. Г. Лейбниц вновь поставил проблему соотношения алетических и деонтических модальностей. Будучи представителем классической теории естественного права, на основе фикции «доброго человека», который является агентом или субъектом норм, он ввел деонтические операторы «обязательно», «запрещено», «позволено» и «безразлично», предложив правила взаимоопределимости между ними и алетическими операторами «необходимо», «невозможно», «случайно», «возможно», т.е. отождествил должное и сущее.

В начале XIX в. британский юрист И. Бентам выступил с идеей создания «логики воли», или «логики повеления», которая основывается на субъектно-зависимом долженствовании. Он впервые предложил термин «деонтология» и высказал идею разграничения прескриптивных высказываний, предписывающих разрешенные или запрещенные действия, и дескриптивных высказываний, описывающих фактические поведение людей. Основанием деонтологии И. Бентама стала этика утилитаризма. Он доказывал, что в основе логики воли лежит принцип пользы, согласно которому поступок является заслуживающим или не заслуживающим одобрения в зависимости от увеличения или уменьшения «суммы общественного благополучия». Таким образом, И. Бентам предложил в логике воли отказаться от установления истины, заменив его принципом «общественной пользы»¹⁸.

¹⁶ Кнууттила С. Деонтическая логика в четырнадцатом столетии // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки / под ред. В. А. Смирнова. М.: Наука, 1984. С. 155–156.

¹⁷ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 482.

¹⁸ Лисанюк Е. Н. Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник НГУ. Серия «Философия». 2010. Т. 8, Вып. 1. С. 149.

В начале XX в. новые попытки построить теорию нормативных понятий предприняли австрийские логики А. Хеффлер, Э. Малли, немецкий логик К. Менгер. Эти усилия, думается, связаны с кризисными явлениями в современном праве. В XX в. в европейской юридической науке развернулась дискуссия о «кризисе источников права», вызванном ростом числа нормативных актов, что ведет к «десакрализации и дестабилизации закона», извращения «самой рациональности права», ситуации правовой неопределенности¹⁹. Отмечу, что на такую опасность указывал еще Аристотель. Он, с одной стороны, признавал, что «...некоторые законы иногда следует изменять». Но, с другой стороны, писал, что изменения в законах «...требует большой осмотрительности», т.к. от частых изменений в них «...появится привычка не повиноваться существующему порядку»²⁰.

В 20-х гг. XX в. австрийский логик Э. Малли сформулировал правила дистрибутивности для выражений с деонтическими операторами. Работы Малли вызвали дискуссию, в ходе которой были поставлены проблемы, во-первых, о соответствии прескриптивных высказываний истине; во-вторых, о пределах применимости пропозициональных констант в нормативных контекстах²¹.

Деонтологическая логика окончательно сформировалась в середине XX в. благодаря трудам финского логика Г. Х. Вригта²². Полагая, что ни одна из двух проблем, поставленных в ходе предыдущей дискуссии, не препятствует ее развитию, он предложил первые абсолютные системы деонтической логики и переформулировал законы формальной логики для деонтической. При этом он отказался от оценки перспективных высказываний по критерию их истинности или ложности. Во второй половине XX в. наряду с системами абсолютных нормативных понятий появляются относительные (условные) системы.

В современности в деонтической логике происходит поворот к решению прикладных задач правотворчества и толкования права. Труды аргентинских логиков К. Э. Альчуррона и Е. В. Бульгина. Деонтическую логику они относят к «одной из... областей формальной логики». Основное внимание в своих исследованиях уделяют правовым нормам и их систематизации с целью устранения пробелов и противоречий в праве. Свою теорию деонтической логики они создают, исходя из «рационального изучения права», т.е. вновь ставят проблему истины в праве²³.

Аристотель, используя свое учение о бытии (метафизику) и логику, заложил основу становления юридической науки. Сформулированные им проблемы государственоведения и теории права являются основополагающими для этих наук на протяжении тысячелетий. Учение Аристотеля о практическом силлогизме стало основой для появления деонтической логики. Хотелось бы надеяться, что современное ее развитие создаст основу логической экспертизы нормативных систем и будет способствовать преодолению неопределенности в праве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм : сборник переводов. — СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2013. — 380 с.
2. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — 685 с. ; М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
3. *Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования : Избранные труды : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1986. — 594 с.

¹⁹ *Кабрияк Р.* Кодификации. М. : Статут, 2007. С. 464–474.

²⁰ *Аристотель*. Указ. соч. Т. 4. С. 427.

²¹ *Лисанюк Е. Н.* С. 149–150.

²² *Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования. М., 1986.

²³ «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм : сборник переводов. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2013. С. 48–52.

4. *Исаев И. А.* «Государство в государстве»: генезис и структура воображаемого политического пространства // *Lex russica*. — 2017. — № 7 (128). — С. 30–50.
5. *Кабрияк Р.* Кодификации : пер. с фр. — М. : Статут, 2007. — 474 с.
6. *Кант И.* Критика чистого разума : пер. с нем. — М. : Академический проект, 2020. — 567 с.
7. *Кечекьян С. Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 222 с.
8. *Кнууттила С.* Деонтическая логика в четырнадцатом столетии // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки. — М. : Наука, 1984. — С. 142–156.
9. *Лисанюк Е. Н.* Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник НГУ. Серия «Философия». — 2010. — Т. 8. — Вып. 1. — С. 147–152.
10. *Рейснер М. А.* История политических учений. Т. 1. — М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. — 455 с.
11. *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. — М. : Наука, 1972. — 471 с.
12. *Rehm H.* Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. — Freiburg i. B. Leipzig, 1896. — 268 S.

REFERENCES

1. Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1978; Vol. 4. Moscow: Mysl Publ.; 1983. (In Russ.).
2. Wright GH, von. Logical and philosophical research. Trans. from English. Moscow: Progress Publ.; 1986. (In Russ.).
3. Isaev IA. «State in the state»: genesis and structure of an imaginary political space. *Lex russica*. 2017;7(128):30-50. (In Russ.).
4. Kabriyak R. Codifications. Moscow: Statute Publ.; 2007. (In Russ.).
5. Kant I. Criticism of pure reason. Moscow: Academic project Publ.; 2020. (In Russ.).
6. Kechekian SF. Aristotle's doctrine of state and law. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ.; 1947. (In Russ.).
7. Knuuttila S. Deontic logic in the fourteenth century. Modal and Intensional Logics and their Application to Problems of the Methodology of Science. Moscow: Nauka Publ.; 1984. (In Russ.).
8. Lisanyuk EN. Development of ideas about norms in deontic logic. *Vestnik of NSU. Series: Philosophy*. 2010;8(1):147-152. (In Russ.).
9. «Normative Systems» and other works on the philosophy of law and the logic of norms. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 2013. (In Russ.).
10. Reisner MA. History of Political Teachings. Vol. 1. Moscow; Leningrad: State Publishing House; 1929. (In Russ.).
11. Cicero. Three treatises on oratory. Moscow: Nauka Publ.; 1972. (In Russ.).
12. Rehm H. Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. Freiburg i. B. Leipzig; 1896.